

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3944766>

УДК 811.1/.2

Лисюткина И.С.

Лисюткина Ирина Сергеевна, аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83. E-mail: seriall@bk.ru.

О речевой тактике негативного прогнозирования, используемой в рамках стратегии дискредитации

Аннотация. В статье исследуются теоретические и методологические проблемы выделения тактики негативного прогнозирования, реализуемой в рамках стратегии дискредитации. Рассматривается ряд смежных с ней тактик – тактика указания на перспективу, тактика угрозы, предостережения и создания фантомной угрозы, выделяются общие аспекты и принципиальные различия в их функционировании. Анализируется роль интенции при выделении той или иной речевой тактики. Теоретические выводы подтверждаются примерами из современного русскоязычного политического медиадискурса, в частности, материалами статей газеты «Аргументы и Факты».

Ключевые слова: стратегии, тактики, дискредитация, негативное прогнозирование, угроза, предостережение, создание фантомной угрозы.

Lisiutkina I.S.

Lisiutkina Irina Sergeevna, post-graduate, Saratov State University. 410012, Russia, Saratov, Astrakhanskaya st., 83. E-mail: seriall@bk.ru.

On identifying the tactics of negative forecasting implemented as part of a discrediting strategy

Abstract. The article deals with the theoretical and methodological problems of identifying the tactics of negative forecasting implemented as part of a discrediting strategy. The research focuses on three other tactics related to the tactics of negative forecasting – the perspective pointing tactics, the tactics of threat, warning and the creation of a phantom threat – and highlights their common aspects and fundamental differences in their use. The role of intention is analyzed in the allocation of a particular speech tactics. Theoretical conclusions are confirmed by examples from the contemporary Russian political media discourse, namely, the materials of the articles of the newspaper «Argumenty i Fakty».

Key words: strategies, tactics, defamation, negative forecasting, threat, warning, phantom threat creation.

В современных дискурсивных исследованиях особое место уделяется исследованию речевых стратегий и тактик. Однако при большом количестве работ по этой теме единая классификация стратегий и тактик до сих пор отсутствует. Методологическая сложность выделения речевых стратегий и тактик непосредственно связана с самой их сущностью. Ключевым понятием, ко-

торое входит в большинство определений этих терминов, является понятие интенции или намерения. Рассмотрим определение, данное И.В. Труфановой: «Стратегия – это выбор говорящим коммуникативного намерения, распределение квантов информации по коммуникативным составляющим и выбор порядка следования коммуникативных составляющих в предложении» [19, с. 38]. Перед исследо-

вателями встаёт проблема объективной идентификации интенции, что на практике практически невозможно, особенно в политическом и медиадискурсе, так как пришлось бы опрашивать каждого политика или журналиста на предмет их коммуникативных намерений, при этом надеясь на их честный ответ. Поэтому учёным приходится реконструировать интенцию адресанта на основе имеющегося фактического материала, однако очень сложно в процессе подобной реконструкции вынести за скобки личность исследователя. Кроме того, в связи проблемой объективизации истинной интенции адресанта существует множество смежных и порой дублирующих друг друга стратегий и тактик, что делает теоретическое осмысление и критерии выделения тактик и стратегий особенно важным. Всем этим обусловлена актуальность нашего исследования.

В данной статье мы проанализируем тактику негативного прогнозирования, которая функционирует в рамках стратегии дискредитации. А.Н. Байкулова пишет, что несмотря на понимание прогноза как некоего вероятного сценария развития событий в будущем, политические деятели могут пользоваться прогнозами (в том числе и негативными) как инструментом трансформации прошлого и настоящего [2]. Например, прогнозы о прошлом могут выражаться условными предложениями, в которых придаточная часть «не определена по истинностному статусу, или имеет статус «ложь»» [16], что в английском языке соответствует третьему типу условных предложений (Third conditional), например: «За эти деньги можно было бы выстроить страну до уровня Франции, и по уровню жизни населения, и по технологической зрелости, и по инфраструктуре, и по культуре и так далее» (пример взят из работы А.Н. Байкуловой) [2, с. 33]. Кроме того, по мнению А.Н. Байкуловой, с помощью прогнозирования, например, сопоставления будущего и настоящего может формироваться образ настоящего. Таким образом, тактика прогнозирования имеет

несколько реализаций вне зависимости от временного пространства. Однако большинство исследователей рассматривают тактику прогнозирования как связанную именно с будущим временем и имеющую маркеры футуральности [5; 9; 13]. Тактика прогнозирования может реализовываться двумя способами: 1) в качестве тактики негативного прогнозирования, которая является частью стратегии дискредитации, 2) в качестве тактики позитивного прогнозирования, которая является частью стратегии самопрезентации. Далее в работе речь пойдёт только о тактике негативного прогнозирования. Н.Б. Руженцева определяет данную тактику как «не вызывающее никаких сомнений категорично-утрированное заключение о предстоящем развитии ситуации, исходе событий, будущем дискредитируемого лица» [14, с. 190].

Помимо тактики негативного прогнозирования исследователи выделяют ряд смежных с ней тактик и стратегий, в связи с чем представляется необходимым выделить общие моменты тактики негативного прогнозирования и других дискредитирующих понятий, а также проанализировать различия между ними. Первой по популярности является тактика указания на перспективу, которая включает в себя не только отрицательную оценку будущих событий, но и положительную. В зависимости от этого политические деятели употребляют в своих выступлениях лексемы либо с положительным отрицательным или отрицательным прагматическим зарядом [11]. Для иллюстрации данной идеи рассмотрим следующий пример, в котором реализуются как позитивный, так и негативный прогноз: Тем не менее, по прогнозам «Форбс», и у Греции, и у наших партнёров по Таможенному Союзу есть все шансы выкарабкаться из экономической ямы. При этом в мире немало государств, перспективы которых отнюдь не выглядят такими же радужными (АиФ, 07.07.2011).

Однако ряд ученых в определении тактики указания на перспективу подчер-

квивают, что в рамках её реализации политики часто дают не только прогноз, но и предлагают пути достижения положительных результатов, что по определению не может существовать в тактике негативного прогнозирования [15]. Исходя из этого, можно предположить, что тактика указания на перспективу является более широким явлением по сравнению с рассматриваемой нами тактикой негативного прогнозирования и часто отождествляется именно с тактикой позитивного прогнозирования, функционируя как часть макростратегии саморепрезентации.

Второй смежной с тактикой негативного прогнозирования является тактика угрозы, целью которой является заставить кого-то сделать или, наоборот, прекратить делать что-либо [3, с. 257]. С тактикой негативного прогнозирования тактику угрозы роднит тот факт, что они обе обращаются к чувству страха как основополагающему фактору, способному детерминировать человеческое поведение [8]. Кроме того, согласно Е.Н. Горбачевой, здесь «модальность угрозы сочетается с аксиологической модальностью неодобрения» [4, с. 113], что является ведущей модальностью тактики негативного прогнозирования. Обе тактики ориентированы на конструирование высказываний в будущем времени [17]. Таким образом, все общие аспекты тактики угрозы и тактики негативного прогнозирования связаны с реализацией этих тактик в рамках стратегии дискредитации.

Однако, на наш взгляд, нельзя в полной мере отождествлять тактику угрозы и тактику негативного прогнозирования, так как главным отличием между ними является адресат. В большинстве случаев реализации тактики угрозы читатель газетной статьи не является непосредственным объектом угрозы, им становится некое третье лицо, то есть политический противник. При этом отмечается реализация двух разнонаправленных стратегий: стратегии дискредитации оппонента посредством связи его с негативно заряженными языковыми единицами и стра-

тегии самопрезентации, так как адресант выступает в качестве коммуникативного лидера, имеющего право на определенные санкции и проявляющего коммуникативное доминирование [12]. То есть автор газетной статьи должен обладать некими полномочиями, чтобы формулировать угрозу в политическом дискурсе, а также иметь (пусть и гипотетическую) возможность её реализации.

М.В. Терских пишет о том, что угроза может «маскироваться» под менее конфликтный речевой жанр – предостережение. Оговоримся, что считаем возможным использование в данном контексте понятий тактики и речевого жанра как взаимозаменяемых, так как вслед за И.В. Труфановой полагаем, что «понятие тактики связано с понятием речевого жанра как его компонент; с понятием речевого акта как совпадающее с ним речевое действие, входящее в речевой жанр» [19, с. 61]. Предостерегая, адресант информирует адресата о негативных последствиях в случае невыполнения определенного условия [18], то есть таким образом, автор проявляет заботу об адресате, и в этом случае адресатом может выступать читатель, а определенным условием станет симпатия читателя к политическому оппоненту, его поддержка (если будешь поддерживать, наступят последствия). Форма предостережения менее ультимативна, согласуется с массовым адресатом, но, на наш взгляд, имеет более глобальную цель – предотвращения симпатии к противнику, в то время как предостережение чаще направлено на более конкретные действия, например, не голосовать за определенного кандидата на выборах. Таким образом, угроза и предостережение семантически близки тактике негативного прогнозирования, так как все они указывают на наступление негативных последствий в случае невыполнения имплицитного или эксплицитного условия [1].

Более близкой к тактике негативного прогнозирования является выделенная Е.Н. Молодых стратегия создания фантомной угрозы, которая для дискре-

дитации врага активно оперирует лексическими единицами с семами «УГРОЗА» или «ОПАСНОСТЬ» [10]. В формулировке данной стратегии нам представляется удачным уточнение о том, что угроза является искусственно созданным понятием, цель которого – напугать читателя, связав в его сознании негативный прогностический образ будущего и политического оппонента. Однако атрибутирование угрозы как фантомной, на наш взгляд, требует специальных знаний в области политологии и военного дела, то есть исследование выходит далеко за рамки лингвистического. При этом нами был обнаружен ряд примеров, не вписывающихся в определение стратегии создания фантомной угрозы, так как в прогностическом описании будущего присутствовали языковые единицы с семой «НЕУДАЧА», например: На одной антироссийской риторике уехать далеко вряд ли получится (АиФ 17.08.2010). В данном примере сочетание негативно заряженно-

го наречия и глагола (вряд ли получится) актуализируют идею неудачи.

Таким образом, наиболее оптимальной нам представляется термин «тактика негативного прогноза», которая является довольно широкой, поэтому может включать в себя элементы угрозы, предостережения и т. п. Задачей негативного прогнозирования является перепрограммирование сознания массового адресата, убеждение его в отрицательном характере действий политического оппонента, которые в будущем приведут к негативным последствиям. Однако отметим, что степень категоричности заключения может варьироваться в зависимости от присутствия маркеров повышения / понижения категоричности высказывания. Даже не слишком категоричные высказывания прогностического характера могут восприниматься читателями как факт из-за доверия к изданию как к транслятору объективной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арский А.А. Семантические категории угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке (тактико-ситуативный подход): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998. 26 с.
2. Байкулова А.Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения) // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 31-39.
3. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
4. Горбачева Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дисс. ... док. филол. наук. Астрахань, 2015. 401 с.
5. Данкова Н.С., Дубровская Т.В. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). Выпуск 31. С. 90-97.
6. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
7. Дубровская Т.В. Стратегии положительно-оценочной репрезентации российско-итальянских отношений в российском внешнеполитическом дискурсе (на материале сайта МИД РФ) // Научный диалог. 2017. № 10. С. 26-40.
8. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2018. 358 с.
9. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: монография. Иркутск, 2005. 319 с.
10. Молодых Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ: на материале публичных речей политических деятелей 1960–2008 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 245 с.

11. Муслех Хусам А.Р. Стратегия убеждения в политическом дискурсе (на материале выступлений британских, российских и арабских политиков): автореф. дис. ... на канд. филол. наук. М., 2018. 26 с.
12. Никодимова, А.Д. Шантаж как феномен деструктивной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 18 с.
13. Прокопенко А.А. Президентский дискурс Барака Обамы: когнитивно-коммуникативные аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Харьков, 2016. 252 с.
14. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. 294 с.
15. Румянцева Е.А. Стратегии и тактики речевого убеждения (на материале речи Президента Украины Петра Порошенко в Конгрессе США) // Записки з романо-германської філології. Одеса: КП ОМД, 2014. Вип. 2 (33). С. 94-104.
16. Условные придаточные // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Условные_придаточные#31
17. Стеклова Т.И. Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. №4. С. 28-35.
18. Терских М.В. Речевой жанр угрозы в дискурсе политической и торговой рекламы // Политическая лингвистика. 2011. № 3(37). С. 245-253.
19. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56-65.
20. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 382 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arskij A.A. Semanticheskie kategorii ugrozy i predosterezheniya i ih verbal'naja realizacija v sovremennom nemeckom jazyke (taktiko-situativnyj podhod): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 1998. 26 s.
2. Bajkulova A.N. Persuazivnye prognozy i scenarii v massmedijnom politicheskom diskurse (funkcii i sredstva vyrazhenija) // Medialingvistika. 2017. № 1 (16). S. 31-39.
3. Vezhbicka A. Rechevye akty // Novoe v zarubezhnoj lingvistike; Vyp. 16. Lingvisticheskaja pragmatika. Sbornik: Per. s razn. jaz. / Sost. i vstup. st. N.D. Arutjunovoj i E.V. Paducevoj. Obshh. red. E.V. Paducevoj. M.: Progress, 1985. S. 251-275.
4. Gorbacheva E.N. Diskursivnaja performativnost': priznaki, tipy, zhanry: diss. ... dok. filol. nauk. Astrahan', 2015. 401 s.
5. Dankova N.S., Dubrovskaja T.V. Strategija prognozirovanija kak sredstvo reprezentacii sudebnoj vlasti v SMI (na materiale rossijskih i anglijskih gazet) // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. 2016. № 21 (242). Vypusk 31. S. 90-97.
6. Denisjuk E.V. Manipulativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmaticeskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2004. 24 s.
7. Dubrovskaja T.V. Strategii polozhitel'no-ocenochnoj reprezentacii rossijsko-ital'janskih otnoshenij v rossijskom vneshnepoliticheskom diskurse (na materiale sajta MID RF) // Nauchnyj dialog. 2017. № 10. S. 26-40.
8. Kara-Murza S.G. Vlast' manipuljacii. M.: Akademicheskij proekt, 2018. 358 s.
9. Mihaleva O.L. Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipuljativnogo vozdejstvija: monografija. Irkutsk, 2005. 319 s.
10. Molodychenko E.N. Sozdanie obraza vruga kak persuazivnaja strategija amerikanskogo politicheskogo diskursa: kognitivnyj i lingvopragmaticeskij analiz: na materiale publicnyh rechej politicheskikh dejatelej 1960–2008 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2010. 245 s.
11. Musleh Husam A.R. Strategija ubezhdenija v politicheskom diskurse (na materiale vystuplenij britanskih, rossijskih i arabskih politikov): avtoref. dis. ... na kand. filol. nauk. M., 2018. 26 s.
12. Nikodimova, A.D. Shantazh kak fenomen destruktivnoj kommunikacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2019. 18 s.
13. Prokopenko A.A. Prezidentskij diskurs Baraka Obamy: kognitivno-kommunikativnye aspekty: diss. ... kand. filol. nauk. Har'kov, 2016. 252 s.

14. Ruzhenceva N.B. Diskreditirujushhie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse. Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2004. 294 s.
15. Rumjanceva E.A. Strategii i taktiki rechevogo ubezhdenija (na materiale rechi Prezidenta Ukrainy Petra Poroshenko v Kongresse SShA) // Zapiski z romano-germans'koifilologii. Odesa: KP OMD, 2014. Vip. 2 (33). S. 94-104.
16. Uslovnye pridatochnye // Russkaja korpusnaja grammatika. URL: http://rusgram.ru/Uslovnye_pridatochnye#31
17. Steksova T.I. Variativnost' zhanrovoj interpretacii v politicheskom diskurse // Politicheskaja lingvistika. 2017. №4. S. 28-35.
18. Terskih M.V. Rechevoj zhanr ugrozy v diskurse politicheskoi i torgovoj reklamy // Politicheskaja lingvistika. 2011. № 3(37). S. 245-253.
19. Trufanova I.V. O razgranichenii ponjatij: rechevoj akt, rechevoj zhanr, rechevaja strategija, rechevaja taktika // Filologicheskie nauki. 2001. № 3. S. 56-65.
20. Janko T.E. Kommunikativnye strategii russoj rechi. M.: Jaz. slavjan. kul'tury, 2001. 382 s.

Поступила в редакцию 29.06.2020.

Принята к публикации 02.07.2020.

Для цитирования:

Лисюткина И.С. О речевой тактике негативного прогнозирования, используемой в рамках стратегии дискредитации // Гуманитарный научный вестник. 2020. №6. С. 200-205. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Lisiutkina.pdf>